

последствии и Петра Демидова на приказчиков, да и доносы тоже не обнаруживаются. Анализ документов показывает, что система контроля на заводах более не позволяла так открыто и в наглую воровать (что, конечно, не исключает мелких злоупотреблений, на которые действительно можно было закрыть глаза, если приказчики могли обеспечить своему господину достаточную прибыль). Не следует забывать, что и наивысших показателей финансового благополучия заводы достигают именно на рубеже веков (см. диаграммы 1 – 2).

Управленческие проблемы ведь были далеко не новы – заводчик находился далеко, в Петербурге, и не имел возможности всегда эффективно контролировать деятельность своих приказчиков, ограничиваясь лишь письменными угрозами и небольшими штрафами. Эти проблемы существовали на протяжении всего Демидовского периода функционирования заводов. Разумеется, это влияло и на эффективность управления заводами, и на благополучие на заводах. Однако, это уже предмет особого исследования.

Данное же исследование окончено...

¹ Сост. по: ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 53, 56, 59, 62, 67, 73, 76, 84, 87, 93, 98, 101, 114, 117, 126, 129, 140, 147.

² Сост. по: ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 58, 66, 75, 89, 115, 122, 146.

³ См. напр.: ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 65. Л. 32 об.

⁴ Там же. Д. 57. Л. 3.

М. А. Фельдман

Уральская академия государственной службы

ЗАПОЗДАЛАЯ РЕЦЕНЗИЯ

**(заметки о книге Д. О. Чуракова «Русская революция
и рабочее самоуправление». М., АИРО-XX в. 1998)**

Обращение к книге, вышедшей в свет более десятилетия назад, конечно, чаще встречается в историографических обзорах. Но – лучше с запозданием дать оценку монографии, посвященной важной теме, чем промолчать, оставляя без внимания важнейшие вопросы рабочей истории. Кроме того, труд историка в ряде случаев может сам представлять исторический источник, отражающий эволюцию исторической мысли на переходе от советской к постсоветской эпохе.

Книга молодого (на момент ее выхода в 1998 г.) исследователя Д. О. Чуракова «Русская революция и рабочие самоуправления» представляла собой попытку по-новому, без идеологических штампов, взглянуть на

проблему появления и эволюции самостоятельных пролетарских организаций, прежде всего фабрично-заводских комитетов (ФЗК).

Как известно, возникнув стихийно в Петрограде и в Москве, ФЗК в марте-апреле 1917 г. распространились по всем промышленным районам, прежде всего, на крупных предприятиях. Близость ФЗК к рабочим массам позволяла отражать интересы и настроения рабочих. В советской историографии, за исключением 20-х гг.,¹ фабзавкомы традиционно рассматривались как структуры, полностью контролируемые и руководимые большевиками, в целях организации революционных порядков на производстве, упрочения и углубления революции, захвата власти². Характерная деталь: для вступления в ряды Красной Гвардии требовалась рекомендация фабрично-заводских комитетов³.

Замысел Д.О. Чуракова заключался в следующем: опираясь на новые архивные источники (протоколы ФЗК, листовки, бухгалтерские ведомости) изучить стихийные формы участия рабочих масс в политической жизни, с учетом психологического фактора. Именно знакомство с архивными материалами, по признанию автора, заставило его усомниться в верности прежних трактовок фабзавкомовского движения, и выйти на новое понимание фабзавкомов как *органов самоуправления*⁴. Оговорка Д. О. Чуракова том, что в работе будет сделан упор на документы из архивов металлургических заводов Тулы и текстильных фабрик Иваново-Вознесенска⁵, настораживала читателя заведомым ограничением отраслевых и региональных рамок, но и такая источниковая база позволяла, в принципе, провести фундаментальное исследование, а возможность сравнительного анализа фабзавкомовского движения, освещаемого в монографии на примере Петрограда и Центрально-промышленного района, предполагала выход на уровень общероссийских обобщений.

Изначальное рассмотрение фабзавкомов в качестве демократических организаций, повлиявших на формирование нового советского государства⁶, позволяет отнести автора к приверженцам социалистической парадигмы. Такое направление, рассматривавшее идею постепенных, поэтапных реформ, не отвергающих позитивный потенциал социальных преобразований в СССР, являющееся альтернативой курсу либеральных реформ в России, следует назвать *социал-демократическим*, исходя из опыта российского и международного рабочего движения. Что же показало исследование Д.О. Чуракова?

23 апреля 1917 г. Временное правительство приняло «Положение о рабочих комитетах», узаконившее статус ФЗК, и, определившее их функции, представительством материально-бытовых и культурных нужд рабочих перед предпринимателями и правительством⁷. Еще в 1964 г. П. В. Волобуев отметил: одним из побудительных мотивов принятия закона о фабрично-заводских комитетах, было намерение создать орган местного, фабрично-

заводского рабочего представительства, способствующего мирному урегулированию взаимоотношений между предпринимателями и рабочими⁸. Однако, в советское время, как известно, мирное урегулирование взаимоотношений «антагонистических» социальных слоев рассматривалось как «соглашательство и отступление от революционности»⁹.

Д. О. Чураков справедливо пишет о том, что после Февральской революции, движение рабочих за свою самоорганизацию, вылилось в создание различных форм самостоятельных организаций, в том числе, и фабрично-заводских комитетов¹⁰. Автор приводит слова иваново-вознесенского рабочего, (раскрывающие, по мнению Д. О. Чуракова) мысли и психологическое состояние пролетариев, вовлеченных в деятельность ФЗК: «Наиболее активная часть пролетариата, стянутая в ФЗК, чувствовала нутром грядущую власть рабочего класса»¹¹. Речь, как видно, шла только о вполне *определенной части рабочих*. В монографии отмечается, в каких секторах промышленности наибольшее распространение получили ФЗК: к ним отнесены текстильная, стекольная, металлургическая и топливная отрасли¹². Между тем, перед нами – отрасли с наибольшим представительством выходцев их деревни в рабочей среде. В переносе интересов и настроений *недавних* пролетариев на всю массу рабочих, я вижу первую методологическую ошибку автора.

Д. О. Чураков обоснованно отмечает стихийный характер появления и распространения фабрично-заводских комитетов, однако внезапный вывод об «устойчивом иммунитете ФЗК к чрезмерного давлению из вне... как после февраля так и после октября»¹³, не находит подтверждения в монографии, кроме упоминания об отдельных акциях рабочих против представителей заводской администрации. Все последующее содержание книги как раз подтверждает другой тезис автора: ФЗК самого начала стали ареной острых столкновений противоборствующих политических группировок¹⁴.

В соответствии с традициями советского прошлого, автор рассматривает ФЗК как органы, априори готовые к управлению производством. Создание ФЗК и распространение различных форм рабочего контроля над производством, по мнению Д. О. Чуракова, «подразумевало со стороны рабочих определенный уровень понимания технологических и административных вопросов, умение разбираться в сложной ситуации на рынках и т. д.»¹⁵. Однако далее, автор, на базе конкретных фактов и обобщенной статистики, показывает: только в 3% случаев деятельности ФЗК выявлены факты финансового контроля, в 2% случаев – работа по переориентации производства¹⁶. Основным же занятием ФЗК стали сбор на предприятиях того, что «плохо лежало», поиск топлива и сырья¹⁷. Фрагменты самостоятельных действий рабочих, как видно, не выходили за рамки функционирования производственной жизни предприятия.

Эффективность такой работы ФЗК была не велика, обосновано заключает автор¹⁸. Каким же образом эта система ФЗК могла быть, *главной силой*, «сдерживавшей тяжелый кризис»; очагом, «выросшей снизу новой революционной государственности», несшей к тому же «значительный заряд конструктивности и демократизма»?¹⁹, читателю остается только догадываться. Признание неграмотных или малограмотных рабочих заведомо способными к управлению сложными технологическими и финансовыми процессами, следует признать вторым методологическим просчетом.

Уже весной 1917 г., указывает Д. О. Чураков, рабочие фабзавкомы постоянно выходили за рамки обычной работы предприятий, устанавливая надзор за деятельностью административно-технического персонала или беря на себя некоторые хозяйственно-распорядительные функции. Зачастую – вместо контроля, присваивались функции найма и увольнения. Фабзавкомы принимали активное участие в «очистке»(!) предприятий от нежелательной части административно-технического персонала. (По данным МВД 83 % всех выступлений рабочих весной 1917 г. происходили на этой почве²⁰.) Рабочие фабзавкомы стали формой объединения рабочих на принципах общинного менталитета и противопоставления трудовых коллективов хозяевам на антибуржуазных основах²¹.

Но кто же стал инициатором столь быстрой радикализации ФЗК? Развитие ФЗК контролировалось Советами, пишет автор²². Однако, Д. О. Чураков этого не скрывает, социалисты всех видов, и прежде всего, партия большевиков принимали энергичные меры по установлению контроля за ФЗК²³. Да и процесс постепенной большевизации советов означал усиление влияния леворадикальных сил в фабзавкомках. Здесь мы подходим к третьему методологическому просчету автора: развитие фабрично-заводских комитетов рассматривается как *самостоятельный процесс*, вне партийного влияния и руководства. Именно под влиянием леворадикальных сил, на рубеже весны-лета 1917 г. ФЗК были поставлены перед задачей «перехода от защитных функций к рабочему контролю»²⁴, в контексте отрицания всей системы ценностей буржуазного общества²⁵.

К сожалению, бездоказательно звучит утверждение о наличии в 1917 г. единой системы самостоятельных пролетарских организаций, выступавшей, «островками укрепляющей стабильности в мире растущего хаоса»²⁶. Но в монографии подробно освещены масштабные конфликты профсоюзов и ФЗК, арбитрами которых выступали партийные комитеты; и тот факт, что большинство членов ФЗК не являлись членами профсоюзов; автор не скрывает: еще до Октября, «в деятельности Советов часто брали верх настроения, чуждые самостоятельным органам рабочего контроля»²⁷. Но главное заключалось в том, что пролетарские организации, рассматривались партиями как «форпосты своего влияния на предприятиях»²⁸. Как видно, надуманность тезиса о единстве пролетарских организаций сосед-

ствуется с рядом с мифической парадигмой о самостоятельности «форпостов партийного влияния».

Собственно говоря, сам автор монографии расставляет иные акценты. Добившись власти в стране, уже через несколько дней после октябрьских событий, большевики превращают ФЗК в комиссии профсоюзов, приступив к огосударствлению последних²⁹; затем, в марте 1918 г. распускают руководство ФЗК³⁰. «Мавр сделал свое дело».

Д. О. Чураков утверждает: резолюция Первого всероссийского съезда профсоюзов (ноябрь 1917 г.) о превращении ФЗК в органы профсоюзов на местах означала, что судьба рабочего движения в России была предрешена и начался процесс огосударствления³¹. С этим трудно согласиться. Судьба рабочего движения в России была предрешена, когда оно попало под влияние леворадикальных сил. Резолюция Первого всероссийского съезда профсоюзов только дублировала в завуалированной форме решение партийного руководства³².

Приход к власти большевиков, претендующих на диктаторские полномочия, означал удушение самостоятельности любой организации, даже имеющей «родственную близость с Советами»³³ – формальной властью, или с партией – осуществляющей реальную власть.

Ускорение практики удушения самостоятельности подкреплялось развернутой большевиками политикой огосударствления – прямым продолжением российской политики военных лет – царского и Временного правительств³⁴. Завершение огосударствления, указывает Чураков, произошло на первом всероссийском съезде совнархозов 25 мая - 4 июня 1918 г., резолюции которого были направлены на радикальное вытеснение остатков рабочего самоуправления³⁵.

Критический тон оценки монографии не должен заслонить главного: автор предпринял научное исследование. Устаревшие методологические подходы не позволили Д. О. Чуракову найти верные ответы. Но предпринятая попытка содействовала более пристальному вниманию к изучению важного раздела рабочей истории. Более того, монография Д. О. Чуракова заставляет задуматься о ряде проблем. Во-первых, о содержании социалистической парадигмы; о наличии в ней не только подлинно демократических начал, но и подходов, базирующихся на идеализации отдельных социальных слоев. Во-вторых, о пределах (и гарантиях) возможности самостоятельной деятельности общественных структур, связанных с политической партией. В-третьих, о силе и прочности традиционных подходов в научной литературе, связанной с рабочей историей. Следует поддержать замечание автора о «некоторой консервации подходов тематики к изучению рабочего движения» даже в 90-гг XX в.³⁶

На мой взгляд, главная заслуга Д. О. Чуракова заключается в выдвижении тезиса о *самостоятельных действиях рабочих России в революции*.

онных событиях 1917 г. Этот тезис, и в силу недостаточной базы источников, и в силу общего состояния уровня рабочей истории в переходные 90-е гг., не удалось доказать (в 1998 г.) на примере деятельности ФЗК. Существенно больший круг доказательств в пользу вышеприведенного тезиса был введен в научную литературу в последующих работах Д. О. Чураков³⁷, демонстрирующих избавление от тех идеологизированных подходов, которые десятилетиями препятствовали научному объективному изучению рабочих России.

¹ Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С. 10.

² История Советского рабочего класса в шести томах. Т. 1. М., 1984. С. 57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. С. 11–12.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Волобуев П. В. Пролетариат и рабочие России в 1917 г. М., 1964. С. 61, 327–328.

⁸ Там же. С. 327.

⁹ История Советского рабочего класса в шести томах. Т. 1. С. 57.

¹⁰ Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С. 25.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же. С. 57.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 57.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 130.

¹⁷ Там же. С. 122–123, 130.

¹⁸ Там же. С. 143.

¹⁹ Там же. С. 78, 82.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 31–41.

²² Там же. С. 46.

²³ Там же. См. например: С. 70–71.

²⁴ Там же. С. 50.

²⁵ Там же. С. 56.

²⁶ Там же. С. 79, 82.

²⁷ Там же. С. 81, 87.

²⁸ Там же. С. 87.

²⁹ Там же. С. 148–149.

³⁰ Там же. С. 128.

³¹ Там же. С. 148–150.

³² Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С. 138–141.

³³ Там же. С. 78.

³⁴ Там же. С. 112.

³⁵ Там же. С. 160.

³⁶ Там же. С. 11.

³⁷ См., например: Революция, государство, рабочий протест. М., 2004.

А. В. Чевардин

*Уральский филиал Российского государственного
университета туризма и сервиса*

ЕВРЕИ В ПОЛЬСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1939–1946 гг. на территории Свердловской области пребывало несколько тысяч граждан довоенной Польши, значимую часть которых составляли евреи. Можно выделить основные волны их миграций. Польские евреи составляли большинство рабочих, завербованных в уральскую промышленность на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 – 1940 гг. Летом 1940 г. на Средний Урал были депортированы беженцы из центральных районов довоенной Польши еврейского происхождения¹. После начала Великой Отечественной войны служившие в Красной Армии выходцы из Второй Речи Посполитой были переведены на Урал и включены в строительные батальоны. Кроме того, тысячи польских евреев прибыли на Урал в качестве эвакуированного населения в 1941–1942 гг.

После объявления амнистии польским гражданам в августе 1941 г. регион покинуло до 20 тысяч человек. Оставшиеся в области лица (около 8 000 амнистированных) были взяты под опеку посольства Республики Польша в СССР².

Следует отметить, что многие польские евреи с самого начала пытались вступить в армию В. Андерса. Они активно работали в польских общественных организациях. Евреи составляли 17% от общего числа польских граждан Среднего Урала. При этом, из 14 доверенных лиц евреями было 5 человек, т. е. 35% от их общего числа³. Многие помощники доверенных лиц также были польскими евреями. Это можно объяснить тем, что среди них было много образованных, грамотных людей, работа которых ценилась посольством.